

Испытание Писе

Черные, густые, как чернила, тучи клубились под самым небосводом. Писе стоял на краю отвесного обрыва, свирепый ветер с крупинками песка трепал его белоснежную шерсть. Сзади донесся знакомый зов — этот голос был полон тревоги и беспокойства, но звучал так, будто доносился из-за плотной завесы тумана: смутно и издалека.

Взгляд Писе был прикован к собственному отражению перед ним. Тот другой «он» возвышался громадой, словно горный пик, и с ног до головы источал леденящий душу мрачно-багровый свет. Каждая костяная шпора казалась настолько острой, что могла проткнуть небеса, а с клыков чудовища капала слюна, проедавая в земле глубокие шипящие воронки. Огромный зверь смотрел на Писе сверху вниз, переполненный презрением, и его низкий голос прогремел раскатом грома: — У тебя нет силы, как ты собираешься защитить их?

Эти слова, словно острый кинжал, вонзились прямо в сердце Писе. В его голове мгновенно пронеслись образы Чжаояня, Тяньлу и Сибусяна: то их доблесть в совместных сражениях, то беззаботные игры и возня в часы отдыха. Их доверие и зависимость в этот миг обратились тяжелым грузом ответственности, давящим на плечи.

Заметив, что Писе дрогнул, зверь бросил лукавый взгляд, выдававший его торжество, и продолжил соблазнять: — Прими меня, и я помогу тебе сокрушить Небесный Двор. Пусть те высокомерные боги и Будды падают ниц перед твоими лапами!

Его голос обладал странными чарами, словно семя, посаженное в самую глубину души Писе и подтачивающее его затаенную жажду силы.

Тело Писе крупно задрожало, в душе разгорелась борьба. Он знал, что стоит только кивнуть — и он обретет силу, способную перевернуть небо и землю, но ценой станет утрата собственного «я» и превращение в марионетку в лапах этой твари. Воспоминания прошлого хлынули потоком: он вспомнил день, когда встретил Чжаояня, Тяньлу и Сибусяна, вспомнил бесчисленные приключения, пережитые вместе. Тот смех и те слезы были самыми драгоценными сокровищами в его жизни.

— Мне это не нужно! — Писе резко поднял голову, в его глазах полыхал огонь непоколебимости. — Даже не думай и дальше управлять мной!

Хотя его голос и не был столь оглушительным, как у того «себя», от него веяло непреклонной решимостью.

Получив отказ, «он» мгновенно помрачнел во взгляде, а жажда убийства выплеснулась наружу с осязаемой силой. Издав яростный рев, исполинская звериная лапа подхватила зловонные вихри и со страшной силой обрушилась на Писе. В самый критический момент Писе закрыл глаза, ожидая наступления смерти.

Однако ожидавшейся жгучей боли не последовало. Писе медленно открыл глаза и с удивлением обнаружил, что вокруг — густые, как смола, тучи, чудовище размером с гору и та смертоносная лапа, что уже занеслась для удара — исчезли без следа в одно мгновение. Знакомый аромат молодой травы уколол ноздри, теплое солнце ласкало шерстку. Писе растерянно моргнул и только тогда осознал, что вернулся в прежнее место.

— Писе, Писе, ты в порядке? — одновременно раздались встревоженные голоса Чжаояня и Сибусяна.

Писе повернулся и, увидев их обеспокоенные лица, почувствовал, как камень наконец отпал от сердца. Чжаоянь подбежал к Писе и мягко ткнулся в него головой, а Сибусян крепко обнял их обоих, тревожно взмахивая хвостом.

Писе протянул лапу, чтобы смахнуть неизвестно когда скатившуюся по щеке слезу, и через силу выдавил улыбку: — Я в порядке, просто задумался на секунду.

Он молча поклялся про себя: сколько бы трудностей и преград ни ждало впереди, он больше поддастся на искушения и непременно защитит своих близких так, как умеет сам.

Ха-ха, неужели ты и правда думаешь, что сможешь сбежать? У нас еще будет шанс.

.....Мы еще посмотрим.

Лабиринт Мира Снов

Лунный свет, словно вода, разливался серебристым инеем по глинистой земле. Писе весь дрожал, холодный пот насквозь пропитал его шерсть, и в полумраке ему всё еще чудился ледяной холод чуждых когтей, скользнувших по горлу. В угольно-черных глазах Чжаояня читалось глубокое беспокойство, а пушистый хвост бережно оплел спину Писе: — Всё хорошо, всё позади, успокойся.

Теплое дыхание коснулось ушной раковины, позволив напряженным нервам Писе немного расслабиться.

Вдруг уши Чжаояня резко дернулись, и он повернулся к стоявшему рядом Сибусяну. Этот белоснежный силуэт тихонько свернулся калачиком под перголой из глициний, однако его шерсть отливала едва заметной прозрачностью, словно окутанный туманом призрачный силуэт. Чжаоянь протянул лапу, чтобы испытующе коснуться спины Сибусяна, но в тот момент, когда его подушечки пальцев прошли сквозь тело, от него отскочила россыпь мелких искр.

— Верно, Писе, состояние Сибусяна сейчас какое-то странное, — в голосе Чжаояня звучала редкая сосредоточенность. Его лапа слегка надела на плечо Сибусяна, но нащупала лишь переплетение реальности и небытия. — Видишь ли, я могу коснуться его, но в то же время кажется, будто я трогаю облако.

Писе немедленно подскочил, бросился к стоявшему перед ним Сибусяну и крепко обнял его.

Пышный и мягкий мех, помнившийся по воспоминаниям, сейчас то появлялся, то исчезал, а тепло, исходившее от ладоней, было то обжигающе-горячим, то ледяным — казалось, он одновременно прикасается к студеному льду и пламени.

— Что происходит? — зрачки Писе слегка сузились. — Почему он стал таким?

— Сейчас он находится посередине между плотской оболочкой и душой, — Чжаоянь опустил на лапы, машинально разгребая когтями мелкие камни на земле. — Словно его разорвали надвое: одна половина заперта в сне, а другая блуждает в реальности. Я и сам понял это только тогда, когда прикоснулся: звук его сердцебиения едва слышен.

Сибусян внезапно тряхнул ушами, и прозрачный хвост скользнул по кончику носа Писе: — Что значит между плотью и душой? — он склонил голову набок, и пушистые кисточки на всех

четырех его ушах закачались. — Сейчас я чувствую себя... словно погрузился в горячий источник: так тепло и легко.

— Это потому, что мы находимся в мире снов, — Чжаоянь провел лапой по воздуху, оставляя светящийся след, в котором проступили осколки разбитого зеркала. — Энергия этого места перекроила твоё тело, но твоё истинное физическое тело уже уничтожено. И что ещё более странно... — его взгляд переметнулся на Писе, — ядро этого сна, похоже, связано с тобой.

Писе содрогнулся всем телом, слова гигантского зверя эхом пронеслись в голове. Неужели все те искушения, угрозы и небо, поглощенное тьмой, были всего лишь сном?

— Но я же отчетливо помню...

Чжаоянь посмотрел на них, глубоко вздохнул, и в его глазах мелькнули сложные чувства: — В общем, ситуация довольно запутанная. А почему Писе оказался во сне Сибусяна, я и сам не знаю.

— И что же нам делать? — в голосе Сибусяна прорезалась тревога, а его прозрачное тело начало покрываться рябью.

Чжаоянь на мгновение задумался, встряхнув шерстку: — Ладно, вы пока продолжайте отдыхать здесь, а я выйду наружу. Мне нужно поискать зацепки, возможно, та тварь снаружи знает способ всё исправить.

— Хорошо, будь осторожен, — Писе схватил Чжаояня за хвост. — Сейчас те люди из Небесного Двора всё ещё очень настороженно к нам относятся.

Вспомнив небесных воинов, размахивающих сокровищами, Писе невольно сжал лапы.

Сибусян же вдруг обнял Писе, прижимаясь пушистой макушкой к его голове: — Тогда мы пойдем! Я буду здесь всё время рядом с Писе, ты тоже береги себя.

С этими словами он метнул в сторону Чжаояня сгусток звездного света: — Это моя способность, она сможет защитить тебя один раз.

Чжаоянь кивнул, его фигура постепенно стала прозрачной. Перед уходом он бросил прощальный взгляд на искаженное пространство сна, и в его глазах промелькнула тень беспокойства: — Держитесь, ждите меня.

Едва стихли эти слова, как его силуэт растворился в мириадах звездных искр, оставив вдвоем лишь Писе и Сибусяна.